

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ. Часть 1

В. С. Богданов¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Богданов В. С. Социальное неравенство как политико-управленческая проблема развития регионов России. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 28–45. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9281. EDN WBKQMQ

Аннотация. Актуальность изучения заявленной проблемы обусловлена современным социальным запросом. Поиск её решения становится задачей отраслевой научной дисциплины – социологии управления.

В данной статье предлагается ознакомиться с промежуточными результатами лонгитюдного исследования феномена социального неравенства в контексте изучения отечественной системы управления через отношение (оценки) политико-управленческих групп регионов к функционированию сложившихся региональных систем управления, а также через оценки доступности для населения базовых социальных институтов (здравоохранение, образование, рынок труда, рынок жилья).

Исследование было инициировано в 2014 г. в Центре социологии и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН (рук. А. В. Тихонов) в составе Метапроекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития» и сегодня имеет статус мониторингового.

В рамках операционализации понятий разработано определение политико-управленческой группы активности как определяющей и/или влияющей в разной степени на характер и качество политико-управленческой деятельности региона в контексте развития территорий. Также дано определение базовым социальным институтам как основе производственной и социально-воспроизводственной (рекреационной) инфраструктур, обеспечивающих в целом социальную и экономическую эффективность, а также управляемость социально-воспроизводственного процесса на уровне региона.

Для достижения задач первого этапа разработана и представлена методика установления критериев, а также доминантных признаков политико-управленческих групп регионов с разным уровнем социокультурного развития, а именно на основе инструментария и данных массовых опросов (2014, 2017, 2020 гг.) всероссийского масштаба, проведённых в рамках реализации Метапроекта.

Результаты второго этапа и общие выводы по исследованию будут представлены во второй части статьи в 2023 г.

Ключевые слова: социальное неравенство, группы политико-управленческой активности, региональная система управления, базовые социальные институты, социокультурная модернизация, социально-воспроизводственный процесс

Постановка проблемы

Исследование феномена социального неравенства как политико-управленческой проблемы развития регионов проводится в рамках общего исследования Центра социологии и социальных технологий ИС РАН ФНИСЦ РАН в ходе выполнения работ (НИР) по теме госзадания «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений».

Предпосылками для проведения данного исследования становятся, с одной стороны, всегда актуальный поиск теоретических моделей [13, с. 19], способных объяснить продолжающиеся трансформационные процессы, порождающие различные типы неравенств, с другой стороны, необходимость разработки способов выявления возникающих социальных противоречий и механизмов их регулирования, преодоления негативных последствий деформации и потери управляемости социальными процессами.

На сегодняшний день, с учётом запроса на сокращение избыточных неравенств [5], мы можем предположить, что в российском обществе возник и запрос на преодоление политико-управленческого неравенства, выражающийся:

- первое, в сокращении социальной дистанции между органами власти и населением в контексте разработки и реализации политико-управленческих решений (стратегических решений и проектной деятельности по развитию регионов);
- второе, в необходимости реформирования властно-управленческой вертикали в направлении организации партисипативного и аспирационного управления, т. е. достижения расширения прав, возможностей и функций стейкхолдеров из населения для совместного разрешения накопившихся социально значимых проблем регионов, а также для повышения качества и доступности базовых социальных институтов, определяющих социальную и экономическую эффективность социально-воспроизводственного процесса на конкретной территории (поселения, региона) [8].

Генезис проблемы нивелирования неравенств, связанных с доступом к власти, собственности и перераспределению благ производства, восходит к теоретическим суждениям и моделям объяснения устройства и функционирования государства [3; 11; 15], построения принципов его взаимодействия с обществом в контексте эволюции различных форм согласий и преодоления противоречий в рамках формирования «общественного договора». В этом ключе можно опереться на размышления Платона, хотя и признающего в большей степени естественный характер неравенства людей, но выделяющего в то же время деятельность управителя как необходимо соответствующую пригодностью решений для подчинённых, а не для себя [15]. Никколо Макиавелли разделяет основополагающие принципы возникновения и легитимации неравенства в отношениях государства и граждан, выдвинутые Платоном. В своей работе «Государь»

Макиавелли закладывает основания специфического подхода к исследованию системы справедливых отношений управляющих и управляемых [11], выдвигая на первый план такие вопросы: кто пригоден быть управляющим, как должны складываться отношения между ними, какие формы правления могут наилучшим образом обеспечить государственный порядок и благополучие людей.

Что касается общественного договора как формы согласия и преодоления социальных противоречий, неравенств, возникающих на разных уровнях организации политико-управленческой деятельности, то факты его социально-исторического преобразования в ходе зарождения и смены формаций, типов государственного устройства, стилей управления, можно проследить, начиная с констатации условий формирования общественного договора в трудах классиков буржуазной политической мысли [3; 10; 17]) и заканчивая современными концепциями, моделями и формами его полезного (востребованного) воплощения в рамках отношений государства и общества [1; 7; 12; 18].

Проблема преодоления различных типов социальных неравенств в отношениях федерального центра и регионов становится актуальной повесткой с момента формирования социально-политического курса современной России. В условиях передачи регионам «неограниченного суверенитета», заключения договорных отношений между субъектами Федерации и федеральным центром в 1990-х годах — началась разработка системы объективных социально-экономических и экологических индикаторов для установления критических признаков социальной дифференциации регионов [6]. Важными в этом направлении являются результаты исследовательской группы учёных ИС ФНИСЦ РАН [13]), которые смогли выделить из всей совокупности социальных неравенств российского общества два уровня: первый — неравенства системного характера (экономические, властные, политические, распределительные, социально-статусные и др.), и второй — неравенства индивидуальных свойств, возможностей личности.

В контексте исследования социального неравенства в политическом измерении России можно выделить работы В. В. Петухова и Ю. А. Красина. Так, В. В. Петухов [14] на основе исследования идейно-политических предпочтений россиян и их актуальных ценностных ориентиров приходит к выводу, что в массовом сознании присутствует востребованность проекта будущего, базирующегося на идеях справедливости и демократии, предполагающего не только улучшение материальных условий жизни, но и минимизацию разнообразных неравенств, в том числе и расширение возможностей индивидуальной самореализации и политического участия. Об этом, собственно, ещё в 2010 г. говорит и Ю. А. Красин [9], констатируя, что одной из наиболее острых проблем российского общества является проблема неудержимого роста социального неравенства, которая имеет свой политико-управленческий аспект. Для того чтобы уяснить его содержание, Ю. А. Красин предлагает рассмотреть два главных вопроса: 1) как углубляющееся социальное неравенство в России проявляется в полити-

ческой сфере; 2) какой должна быть публичная политика, способная остановить прогрессирующий рост неравенства и, по крайней мере, амортизировать его негативные политические последствия.

Элементы программы исследования

С опорой на теоретическую проработку проблем, а также на цели и задачи общего исследования, мы выдвигаем *цель нашего исследования*: установление политико-управленческих групп регионов (на основе критериев активности), с последующей фиксацией их оценок работы региональных систем управления, способствующих или препятствующих:

1. Поддержанию качества и доступности базовых социальных институтов региона.

2. Созданию условий для гражданской и политической активности, а также включению политико-управленческих групп в процесс принятия решений по развитию региона.

По сути, эти два пункта можно принять за рабочие гипотезы, в которых концентрируются «функция» и «дисфункция» как последствия политико-управленческой регуляции социально-экономических и социально-воспроизводственных процессов, выражающихся либо в конкретных социальных противоречиях, либо в благоприятных социальных эффектах, ожидаемых населением.

Решить задачи исследования предполагается в два этапа.

На первом этапе (2022 г.) на основе инструментария и данных массовых опросов всероссийского масштаба (2014, 2017, 2020 гг.) запланирована разработка методики:

а) установления критериев политико-управленческих групп регионов с разным уровнем социокультурного развития [1], а именно через выделение номинальных индексов для конструирования интегральных групп политико-управленческой активности, влияющих в той или иной степени на разработку и принятие решений в регионе;

б) составления комплекса показателей, направленных на измерение, оценку работы системы управления в отобранных регионах и выявление факторов, способствующих воспроизводству или нивелирующих последствия избыточных неравенств.

На втором этапе (2023 г.) на основе результирующих данных апробации и реализации обозначенных методик, а также при помощи номинального регрессионного анализа — через оценки сконфигурированных политико-управленческих групп активности (выделяем группы с высокой, средней и низкой активностью), необходимо будет решить следующие аналитические задачи:

а) определить, что нужно для поддержания качества и доступности базовых социальных институтов региона (индексы – каково состояние дел с: возможностью найти работу; с жилищным строительством и возможностью приобрести жильё; с работой органов здравоохранения; с профессиональным образованием и переквалификацией);

б) выявить, как органы власти руководят решением проблем (индексы – как органы власти и управления решают вопросы: обеспечения рабочими местами; жилищного строительства и возможности приобрести жильё; работы органов здравоохранения; профессионального образования и переквалификации);

в) установить, как происходит организация внутренней политики региона через призму процессов демократизации общественной жизни (индексы – честность и прозрачность выборов в органы власти; повышение роли местного самоуправления в жизни регионов и др.);

г) выяснить, какова степень обеспокоенности недостатками региональных систем управления (индексы – нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений; неспособность руководства учитывать новые обстоятельства, уклонение от новаторских решений; ориентация руководства не на конечные результаты, а на сохранение своей власти);

д) уточнить необходимость коренных изменений в работе (индексы – коренные изменения требуются в работе: Правительства; аппарата губернатора региона; администрации города, поселка, села; администрации предприятия, учреждения).

Характеристика исследования

Как отмечено ранее, Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН в 2014 г. был инициирован запуск Метапроекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития». На первом этапе Метапроекта проведён массовый опрос в трёх регионах: Москва, Белгородская область и Республика Башкортостан. Всего опрошено 1500 респондентов.

На втором этапе Метапроекта в 2016 г. было отобрано 12 регионов с разным уровнем социокультурного развития по версии ЦИСИ ИФ РАН. По согласованию с Н. И. Лапиным мы агрегировали группировку с шести до четырёх уровней социокультурного развития: первая группа – низкий уровень развития (республики Дагестан и Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего уровня развития (Республика Башкортостан, Омская область, Республика Саха (Якутия)), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвёртая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области). В указанных регионах собрано 6000 анкет.

На третьем этапе Метапроекта в 2020 г. (исследование проведено в тех же 12 регионах, что и в 2017 г.) также удалось опросить 6000 человек.

Все опросы проводились по специально созданной для каждого региона квотной выборке, основанной на данных Федеральной службы государственной статистики за соответствующие годы и учитывающей поло-возрастную и образовательную составляющие. Кроме того, при формировании выборки принималась во внимание административно-территориальная составляющая: в каждом из отобранных регионов массовые опросы проводились в административном центре региона, в двух «средних» городах с численностью не менее 50 тыс. человек, в двух «малых» городах с численностью от 10 до 50 тыс. человек и одном-двух поселениях с численностью менее 10 тыс. человек.

Далее была проведена обработка полученных первичных данных с помощью прикладного пакета программ по статистической обработке данных SPSS (версия 26.0).

Промежуточные результаты исследования

На первом этапе разработана методика установления критериев политико-управленческих групп регионов с разным уровнем социокультурного развития. В результате выделены номинальные индексы для конструирования интегральных групп политико-управленческой активности, влияющих в той или иной степени на разработку и принятие решений в регионе, а именно с «высоким», «средним» и «низким» уровнем активности.

Для построения групп были применены следующие номинальные индексы — критерии активности:

1. Участие в выборах.
2. Обращение в органы власти.
3. Участие в общественной работе.
4. Опыт управленческой деятельности.
5. Каналы получения информации.

Интегральный индекс создан на основе суммирования дихотомических переменных и далее равно распределён путём автоматического ранжирования на следующие группы активности: «высокая», «средняя», «низкая». Отметим, что методика выделения политических групп активности была разработана А. В. Жаворонковым на основе данных массива 2014 г. и частично модернизирована в 2017 г., когда мы добавили критерий «опыт управленческой деятельности». В итоге группы были обозначены как «политико-управленческие группы активности». Здесь необходимо пояснить, какое содержание мы вкладываем в операциональное определение «политико-управленческие группы активности». По

сути, 5 агрегированных критериев интегрального индекса являются теми основаниями, которые позволяют определить степень влияния выделенных групп на характер и качество политико-управленческой деятельности региона в контексте развития территорий.

Таблица 1

Интегральный индекс политико-управленческих групп по степени активности, 2017 и 2020 г., %
($N = 6000$, 2016 г.; $N = 6000$, 2020 г.)

Уровень модернизации региона	Регионы	Группы политико-управленческой активности в 2016 г.			Группы политико-управленческой активности в 2020 г.		
		Низкая	Средняя	Высокая	Низкая	Средняя	Высокая
Высокий	Московская область	33,1	33,1	33,8	40,1	36,5	23,4
	Нижегородская область	30,4	27,6	42,0	38,0	29,9	32,1
	Свердловская область	32,7	30,9	36,4	22,6	51,0	26,4
Средний	Республика Башкортостан	39,8	26,8	33,4	32,5	27,5	40,0
	Республика Саха (Якутия)	24,4	30,9	44,7	25,4	29,6	45,0
	Омская область	37,8	28,0	34,2	32,2	28,2	39,6
Ниже среднего	Амурская область	34,7	32,2	33,1	29,1	32,3	38,5
	Белгородская область	25,4	37,0	37,6	28,5	27,7	43,9
	Вологодская область	40,8	28,6	30,6	38,9	25,3	35,7
Низкий	Республика Дагестан – 2016, Брянская область – 2020	27,9	34,9	37,2	27,0	28,4	44,6
	Республика Калмыкия	26,4	29,9	43,7	24,0	29,8	46,2
	Смоленская область	29,5	32,1	38,4	31,8	30,8	37,4
Итого		32,3	30,7	37,0	30,8	31,4	37,7

Если рассмотреть распределение групп по степени активности (рис. 1, 2, 3), то с небольшим перевесом во всех проанализированных массивах данных преобладает группа с «высоким» уровнем активности: 2014 г. – 34,6%, 2017 г. – 37%, 2020 г. – 37,7%. В разрезе 12 регионов в 2016 и 2020 гг. (табл. 1), это характерно более для регионов с низким уровнем модернизации (2016 г., 37,2–43,7%; 2020 г., 37,4–46,2%).

Во всех трёх регионах с высоким уровнем модернизации активность к 2020 г. заметно снизилась: с 33,8–42% до 23,4–32,1% (снижение примерно на 10% в каждом из трёх регионов). В шести областях и республиках с уровнем социокультурного развития ниже среднего и средним, наоборот, к 2020 г. доля групп с высокой активностью заметно выросла (35,7–45%), по сравнению с 2016 г. (30,6–44,7%). Наибольшая политико-управленческая активность среди 12 регионов зафиксирована в Республике Саха (Якутия), в 2016 г. – 44,7%, в 2020 г. – 45%. По данным нашего предыдущего исследования [16], такую активность в Республике и в регионах с низким уровнем социокультурного развития можно связать с большим количеством неразрешённых социально значимых проблем. В последнем исследовательском проекте нам удалось установить, что в «Республике Саха (Якутия) прослеживается информационно-коммуникативный запрос со стороны сетевых активистов по конкретным программным мероприятиям нацпроектов, в рамках которых жители хотели бы решить накопившиеся проблемы состояния автомобильных дорог, медицинских учреждений, жилья и благоустройства территории, организаций дошкольного и школьного образования. Однако при рассмотрении наличия элементов обратной связи в официальных публичных не установлены факты организации социально-ориентированной обратной связи, при которой предполагается активное социальное участие населения для совместного выявления и решения накопившихся социально значимых проблем с достижением определенных социальных эффектов» [16]. Как мы уже отметили ранее, более детальный анализ состояния и доступа к базовым социальным институтам (здравоохранение, образование, рынок труда, рынок жилья) через отношение (оценки) политико-управленческих групп регионов к функционированию сложившихся региональных систем управления, мы проведём на втором этапе нашего исследования. Пока же заметим, что под базовыми социальными институтами мы понимаем упорядочение, стандартизирование, организационное оформление и законодательное регулирование тех связей и отношений, которые отвечают за состояние производственной и социально-воспроизводственной (рекреационной) инфраструктур, обеспечивающих в целом социальную и экономическую эффективность, а также управляемость социально-воспроизводственного процесса на уровне региона.

Следует также сказать, что на первом этапе нашего исследования составлен социальный портрет групп политической активности (рис. 1, 2, 3). Для решения этой задачи мы выбрали метод классификации данных, называемый методом деревьев решений (CHAID). Этот метод подходит нам, потому что он позволяет выявлять связь между переменными, измеренными по любой шкале. В результате анализа для каждого узла высчитывается вероятность в виде процентных долей зависимой переменной, выносится решение в виде спрогнозированной категории этой переменной. Разбиение на узлы происходит до тех пор, пока независимые переменные не будут исчерпаны [2]. Последний узел, который не разбивается дальше, называется терминальным узлом дерева или

листом. В результате мы получаем распределение анализируемых независимых переменных на группы, наиболее отличающиеся друг от друга по значениям зависимой переменной. В итоге можем наглядно увидеть, какие качественные характеристики наиболее типичны для групп «высокой», «средней» и «низкой» политико-управленческой активности (рис. 1, 2, 3).

Отдельно отметим, что зависимой переменной при построении дерева решения является группа политико-управленческой активности, представляющая собой интегральную переменную (индекс). В качестве предикторов для выявления доминантных признаков были выбраны следующие референты (табл. 2): «пол», «поколение», «образование», «уровень достатка», «уровни социокультурной модернизации регионов».

Таблица 2

Предикторы, отобранные для определения профиля политико-управленческих групп активности

Пол	Пол: 1 – мужской, 2 – женский.
Поколение	Возраст: Скажите, пожалуйста, какого числа, в каком месяце, в каком году Вы родились? Для анализа была использована переменная возраста, перекодированная в группы: до 29 лет, 30–49, 50 и старше).
Образование	В качестве уровня образования мы выделили пять групп: 1) неполное среднее; 2) среднее общее; 3) среднее специальное; 4) незаконченное высшее; 5) высшее
Достаток (материальное положение)	В рамках уровня достатка выделены три группы: 1) высокий; 2) средний; 3) низкий
Тип поселения	Для фиксации типа поселения использована общепринятая градация: 1) город; 2) ПГТ; 3) село
Уровни социокультурной модернизации регионов (по версии ЦИСИ ИФ РАН, Н. И. Лапин, 2017 г.)	<i>Оценки уровней социокультурной модернизации взяты из названных выше трудов Н. И. Лапина и его соавторов или указаны им лично; оценки в скобках взяты с Карты-схемы модернизации регионов России 2010 г.¹</i> При анализе материалов в разрезе регионов в нашем исследовании используется их группировка по четырём уровням: первая группа – низкий уровень развития (Дагестан, Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего уровня развития (Башкортостан, Омская область, Республика Саха), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвёртая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области)

По факту составления социальных портретов (профилей) политико-управленческих групп активности представим ниже следующие выводы в отношении двух групп – с «низкой» и «высокой» степенью активности (рис. 1).

¹ См.: Карта-схема модернизации регионов России (2010 г.) // IQ.HSE RU : [сайт]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf> (дата обращения: 25.07.2017).

ГРУППЫ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В 2014 Г.

Низкая активность	Средняя активность	Высокая активность
33,8%, n = 573	31,6%, n = 535	34,6%, n = 585

ГРУППЫ ДОСТАТКА (УРОВНИ)

Adj. P-value = 0,000, Chi-square = 161,044, df = 2, SYSMIS = 3,4%

НИЗКИЙ		СРЕДНИЙ/ВЫСОКИЙ	
50,1%, n = 225	Низкая активность	25,7%, n = 305	
32,3%, n = 145	Средняя активность	32,1%, n = 381	
17,6%, n = 79	Высокая активность	42,2%, n = 501	
26,5%, n = 449	ВСЕГО	70,1%, n = 1187	

УРОВНИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ
(ПО ВЕРСИИ ЦИСИ ИФ РАН, Н. И. ЛАПИНА)

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 59,125, df = 1

СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ

60,6%, n = 206	Низкая активность
27,1%, n = 92	Средняя активность
12,4%, n = 42	Высокая активность
20,1%, n = 340	ВСЕГО

ПОКОЛЕНИЕ
(молодое – до 29 лет,
среднее 30–49, старшее от 50)

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 60,220, df = 2

МОЛОДОЕ | СРЕДНЕЕ/СТАРШЕЕ

38,1%, n = 115	17,2%, n = 81
35,8%, n = 108	31,6%, n = 149
26,2%, n = 79	51,3%, n = 242
17,8%, n = 302	27,9%, n = 472

ОБРАЗОВАНИЕ

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 48,829, df = 2

Ниже среднего | Среднее общее

77,4%, n = 96	66,5%, n = 38
22,6%, n = 28	27,6%, n = 16
0,0%, n = 0	6,9%, n = 4
7,3%, n = 124	3,4%, n = 58

ОБРАЗОВАНИЕ

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 60,220, df = 1

Среднее общее | Незак. высшее и высшее

51,5%, n = 51	9,7%, n = 12
37,4%, n = 37	24,2%, n = 30
11,1%, n = 11	66,1%, n = 82
5,8%, n = 99	7,9%, n = 124

Рис. 1. Дерево решений для выявления профиля групп политико-управленческой активности, на основе данных массива 2014 г., % (показаны только главные узлы из уровней предикторов)

Рассматривая представленное дерево решений на основе массива данных 2014 года (рис. 1), мы можем констатировать, что главным предиктором в ходе идентификации политико-управленческих групп становится переменная «уровень достатка». Так, в группу с высокой активностью вошли те, кто имеет высо-

кий и средний уровень достатка. Низкая политико-управленческая активность респондентов обусловлена в первую очередь резко ограниченными материальными возможностями.

Далее узел «достатка» расщепился следующим образом. Ожидаемым оказалось, что высокая активность характерна для людей среднего и старшего возраста, имеющих незаконченное и чаще законченное высшее образование. Если рассмотреть итоги расщепления узла с респондентами с низким уровнем достатка, транслирующими низкую активность, то такие группы более отмечены в регионах со средним уровнем социокультурного развития.

Последним узлом в ходе определения профиля группы с низкой активностью стала переменная «образование». Здесь ожидаемым оказалось то, что активность менее проявляют люди, имеющие либо среднее образование, либо ниже среднего.

Переменные «тип поселения» и «пол» остались за рамками построения контуров профиля политико-управленческих групп активности, т. е. не были выделены в качестве главных узлов (предикторов).

При рассмотрении дерева решений на основе массива данных 2016 г. (рис. 2), можно увидеть повторение главных предикторов для групп с «высокой» и «низкой» активностью: «поколение», «образование», «уровень достатка».

Главным предиктором при выделении контуров профиля политико-управленческих групп становится переменная «поколение». Как и в 2014 г., в группу с высокой активностью попали респонденты, относящиеся к среднему и старшему поколению, а группа с низкой активностью наполнена представителями молодого поколения до 29 лет. А значит, прослеживается закономерность соотношения признаков по возрастным категориям с группами высокой и низкой активности. Подобное относится и к предиктору переменной «уровень достатка», который становится вторым узлом в группе с высокой активностью, а именно, как и в 2014 г., наибольшая активность типична для той части населения, которая является более обеспеченной, т. е. со средним и высоким уровнем достатка.

Вторым предиктором группы с низкой активностью становится переменная «образование». В отличие от данных 2014 г. этот узел помимо респондентов со средним образованием и ниже среднего, дополняется ещё и теми, кто имеет среднее специальное и незаконченное высшее образование. Что касается переменной «образования» в качестве третьего узла группы с высокой активностью, то в большей степени, как и в 2014 г., это люди, имеющие незаконченное и законченное высшее образование. Однако, среди активной части старшего поколения появляются и активисты со средним специальным образованием.

Третьим узлом группы с низкой активностью стала переменная «уровень достатка». По сравнению с 2014 г. этот предиктор указывает на то, что низкая активность становится более характерной для людей со средним и низким уровнем достатка.

Среди контуров профиля политико-управленческих групп активности не были выделены в качестве главных узлов такие переменные, как «тип поселения», «пол». Остался за рамками и такой предиктор, как отношение к региону с определённым уровнем социокультурного развития. Однако, в 2020 г. этот предиктор выделился одновременно при расщеплении двух узлов первого уровня (рис. 3).

ГРУППЫ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В 2016 Г.

Низкая активность 32,3%, n = 1760	Средняя активность 30,7%, n = 1672	Высокая активность 37%, n = 2020
--------------------------------------	---------------------------------------	-------------------------------------

▼ ПОКОЛЕНИЕ (молодое – до 29 лет, среднее 30–49, старшее от 50) ▼

Adj. P-value = 0,000, Chi-square = 256,223, df = 2

МОЛОДОЕ		СРЕДНЕЕ СТАРШЕЕ	
47,5%, n = 636	Низкая активность	29,9%, n = 580	25,0%, n = 544
30,6%, n = 410	Средняя активность	31,2, n = 606	30,2%, n = 666
21,9%, n = 294	Высокая активность	38,9%, n = 754	44,8%, n = 972
24,6%, n = 1340	ВСЕГО	35,6%, n = 1940	39,8%, n = 2172

▼ ОБРАЗОВАНИЕ

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 64,243, df = 2
Ниже среднего | Ср/д/спц,
Срд/общ., Н/высш.

▼ ГРУППЫ ДОСТАТКА (УРОВНИ)

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 70,971, df = 2

		СРЕДНИЙ, ВЫСОКИЙ СРЕДНИЙ, ВЫСОКИЙ		
60,3%, n = 73	51,6%, n = 460	Низкая активность	26,8%, n = 427	21,8%, n = 374
30,6%, n = 37	29,5%, n = 263	Средняя активность	30,4%, n = 485	30,2%, n = 521
9,1%, n = 11	18,9%, n = 168	Высокая активность	42,8%, n = 681	48%, n = 828
2,2%, n = 121	16,3%, n = 891	ВСЕГО	29,3%, n = 1593	31,6%, n = 1723

▼ ГРУППЫ ДОСТАТКА (УРОВНИ)

Adj. P-value = 0,032
Chi-square = 8,060, df = 1

▼ ОБРАЗОВАНИЕ

Adj. P-value = 0,000
Chi-square = 60,220, df = 1
Незак. высшее и высшее | Незак. высш., высшее,
сред/спец.

НИЗКИЙ, СРЕДНИЙ			
53,6%, n = 384	Низкая активность	19,6%, n = 81	18,3%, n = 195
29,2%, n = 209	Средняя активность	32,1%, n = 133	27,5%, n = 293
17,2%, n = 123	Высокая активность	48,3%, n = 200	54,2%, n = 576
13,1%, n = 716	ВСЕГО	7,6%, n = 414	19,5%, n = 1064

Рис. 2. Дерево решений для выявления профиля групп политико-управленческой активности, на основе данных массива 2016 г., %. (показаны только главные узлы из уровней предикторов)

ГРУППЫ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В 2020 Г.

Низкая активность 30,8%, n = 1855	Средняя активность 31,5%, n = 1889	Высокая активность 37,7%, n = 2269
--------------------------------------	---------------------------------------	---------------------------------------

ОБРАЗОВАНИЕ

Adj. P-value = 0,000, Chi-square = 204493, df = 3

Срд/спец; | Высшее

Ниже среднего	Среднее общее	Низкая активность	Срд/спец; Высшее	Высшее
42,7%, n = 294	35,1%, n = 356	31,5%, n = 992	31,5%, n = 992	18,3%, n = 213
29,1%, n = 200	33,9%, n = 343	Средняя активность	32,2%, n = 1014	28,5%, n = 332
28,2%, n = 194	31%, n = 314	Высокая активность	36,3%, n = 1143	53,1%, n = 618
11,4%, n = 688	16,8%, n = 1013	ВСЕГО	52,4%, n = 3149	19,3%, n = 1163

УРОВНИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (ПО ВЕРСИИ ЦИСИ ИФ РАН, под рук. Н. И. ЛАПИНА)	ПОКОЛЕНИЕ (молодое – до 29 лет, среднее 30–49, старшее от 50)	Уровни активности	ПОКОЛЕНИЕ (молодое – до 29 лет, среднее 30–49, старшее от 50)	УРОВНИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (ПО ВЕРСИИ ЦИСИ ИФ РАН, под рук. Н. И. ЛАПИНА)
ВСЕ 4 УРОВНЯ	МОЛОДОЕ/ СРЕДНЕЕ		СРЕДНЕЕ/ СТАРШЕЕ	ВСЕ 4 УРОВНЯ
42,7%, n = 294	37,8%, n = 250	Низкая активность	26,9%, n = 608	18,3%, n = 213
29,1%, n = 200	35,2%, n = 233	Средняя активность	32,1%, n = 727	28,5%, n = 332
28,2%, n = 194	27,0%, n = 179	Высокая активность	41%, n = 927	53,1%, n = 618
11,4%, n = 688	11,0%, n = 662	ВСЕГО	37,6%, n = 2262	19,3%, n = 1163

Рис 3. Дерево решений для выявления профиля групп политико-управленческой активности, на основе данных массива 2017 г., % (показаны только главные узлы из уровней предикторов)

Такое распределение выявило, что на основе данных 2020 г. во всех регионах, независимо от их уровня социокультурной модернизации, можно проследить концентрацию групп с низкой и высокой активностью. В первом случае, как и в предыдущие годы (2014, 2016), низкая степень активности более характерна для людей, имеющих образование ниже среднего, а также среднее общее образование. Во втором случае, высокая активность в большей степени проявляется среди тех респондентов, кто имеет высшее образование. Однако, элементом узла первого порядка оказываются также значения переменной «образование»: «среднее специальное», «незаконченное высшее образование» (36,3%, n = 1143).

Далее предиктором этого становится переменная «поколение», с актуальными возрастными категориями «30–49 лет» и «50 и старше». Т. е. активную аудиторию, как и в предыдущие годы, представляют люди среднего и старшего поколения, имеющие хорошее образование. В группу с низкой активностью, и в 2014, и в 2016 гг., входит молодёжь с образованием ниже среднего и средним.

Заключение

По результатам первого этапа нашего исследования мы можем сделать следующие промежуточные выводы.

Успешно проведена разработка интегрального индекса политико-управленческих групп активности для дальнейшего анализа отобранных показателей, направленных на измерение оценки работы системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, способствующих или препятствующих: 1) поддержанию качества и доступности базовых социальных институтов региона, 2) созданию условий для гражданской и политической активности, включению политико-управленческих групп в процессы принятия решений по развитию региона.

Выбранный нами метод классификации данных, называемый методом деревьев решений (CHAID), указывает на то, что прослеживаются доминантные признаки социально-управленческих групп активности, а именно образование, материальное положение, принадлежность к поколению, что зафиксировано по итогам анализа данных массовых опросов 2014, 2016, 2020 гг. Это позволяет говорить о константах выделяемых групп. Референты «тип поселения» и «пол» сработали только в 2017 г., и то лишь на уровне предиктора последнего уровня, т. е. в незначительной степени. Можно предположить, что в рамках установления политико-управленческих групп и измерения их активности эти признаки не являются доминантными.

В 2014 и 2020 гг., на фоне кризисных ситуаций, в период турбулентности и высоких состояний неопределённости, проявляется связь доминантных признаков политико-управленческих групп с уровнем социокультурного развития регионов по версии ЦИСИ ИФ РАН, что требует дополнительного рассмотрения и изучения.

В целом разработанную систему показателей политико-управленческого неравенства регионов можно рассматривать через оценки специально выделяемых политико-управленческих групп, что подтверждают пробные измерения на основе номинального регрессионного анализа. Подробные результаты и итоги исследования будут представлены в рамках второго этапа исследования в 2023 г.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.]. М. : ООО «Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN YRJCJX.
2. Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, М. Ф. Черныш ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый хронограф, 2021. 584 с. ISBN 978-5-94881-514-5. DOI 10.19181/monogr.978-5-94881-514-5.2021. EDN OYEBBG.
3. *Гоббс Т.* Сочинения: В 2-х т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 731 с. ISBN 5-244-00460-3.
4. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, С. В. Горюнова [и др.] ; Российская академия наук, Институт социологии ; под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии Российской академии наук, 2008. 319 с. ISBN 978-5-89697-152-8. EDN QOJACX.
5. *Горшков М. К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 20–31. EDN SMHNQD.
6. *Гуцериев М. С.* Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения // Федеральный центр и субъекты Российской Федерации: финансовые взаимоотношения и механизмы социальной поддержки населения. Материалы научной сессии Академии социальных наук РФ. (5 декабря 1996 года) / Отв. ред. Г. В. Осипов. М. : Клуб «Реалисты», РИЦ ИСПИ РАН, 1997. С. 7–32.
7. *Давыдов А. П.* Общество как медиационный субъект социального развития (к методологии межсубъектного диалога) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 3–13. DOI 10.31857/S013216250022302-5. EDN LQWVTW.
8. *Дридзе Т. М.* Ситуационный анализ социально-воспроизводственного процесса в прогнозном социальном проектировании / Орлова Э. А., Дридзе Т. М. // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М. : Наука, 1994. С. 52–62.
9. *Красин Ю. А.* Социальное неравенство как политическая проблема // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2007. № 2. С. 83–91. EDN MLIOTZ.
10. *Локк Д.* Два трактата о правлении / Джон Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М. ; Челябинск : Социум, 2014. 494 с. ISBN 978-5-906401-06-8.
11. *Макиавелли Н.* Государь. М. : Планета, 1990. 80 с. ISBN 5-85250-432-7.
12. *Маркин В. В.* Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. С. 82–87. EDN VVHAEN.
13. Особенности модернизации социальной структуры российского общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, Т. И. Горина [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2018. 200 с. ISBN 978-5-89697-308-9. EDN YTBOZN.
14. *Петухов В. В.* Идеино-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 25–43. DOI 10.19181/snsp.2020.8.4.7654. EDN IPANPL.

15. Платон. Сочинения : в 3 т. Т. 3. Ч. 1. Государство / Ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1971. 687 с.

16. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Гречаная [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN YNARHI.

17. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 1998. 416 с. ISBN 5-87533-113-5.

18. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2014. 560 с. ISBN 978-5-88373-375-7. EDN UXNTEZ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданов Владимир Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: valarf@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 276478

Дата поступления в редакцию: 09.08.2022. Принята к печати: 30.10.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9281

Social Inequality as a Political and Managerial Problem in the Development of Russian Regions. Part I

Vladimir S. Bogdanov¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Bogdanov V. S. (2022). Social inequality as a political and managerial problem in the development of Russian regions. Part I. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 10, № 4. P. 28–45. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9281

Abstract. The relevance of studying the declared problem is due to the modern social request. The search for its solution becomes the task of the branch scientific discipline of the sociology of management.

This article invites you to familiarize yourself with the interim results of a longitudinal study of the phenomenon of social inequality in the context of studying the domestic management system through the attitude (assessment) of the political and management groups of the regions to the functioning of the established regional management systems, as well as through assessments of the accessibility of the population to basic social institutions (health, education, labor market, housing market). The study was initiated in 2014 at the Center for Sociology and Social Technologies of the IS RAS (hand. A. V. Tikhonov) as part of the Metaproject “Readiness of the domestic management system to solve the problems of modernization and economic development” and today has a monitoring status.

As part of the operationalization of concepts, a definition of the political and management group of activity was developed as determining and/or affecting with varying degrees the nature and quality of the political and management activities of the region in the context of the development of territories.

The basic social institutions are also defined as the basis for production and socio-reproducible (recreational) infrastructures that ensure social and economic efficiency in general, as well as the manageability of the socio-reproducible process at the regional level. To achieve the objectives of the first stage, a methodology was developed and presented for establishing criteria, as well as dominant signs of political and management groups of regions with different levels of socio-cultural development, namely, on the basis of tools and data from mass surveys (2014, 2017, 2020) of an all-Russian scale conducted as part of the implementation of the Metaproject.

The results of the second stage and the general conclusions of the study will be presented in the second part of the article in 2023.

Keywords: social inequality, groups of political and managerial activity, regional management system, basic social institutions, socio-cultural modernization, socio-reproducible process

REFERENCES

1. *Atlas modernizacii Rossii i eyo regionov: socioekonomicheskie i sociokulturnye tendencii i problemy*' (2016). [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. N. I. Lapin, L. A. Belyaeva, I. I. Bojko [et al.]. M. : Izdatelstvo «Ves Mir». 360 p. (In Russ.).
2. *Problemy social'nogo ravenstva i spravedlivosti v Rossii i Kitae*. (2021). [Problems of social equality and justice in Russia and China]. M. K. Gorshkov, P. M. Kozyreva, Li Pejlin' [et al.]; ed. by M. K. Gorshkov, P. M. Kozyreva, Li Pejlin', M. F. Chernysh; FNISC RAN M.: Izdatel'stvo Novy'j Xronograf. P. 397–433. (In Russ.). DOI 10.19181/monogr.978-5-94881-514-5.2021.
3. Gobbs T. (1991). *Sochineniya: V 2-x t.* [Writings: In 2 vols.]. M. : My'sl'. T. 2. 731 p. (In Russ.).
4. *Rossiya v global'nyx processax: poiski perspektivy*'. (2008). [Russia in Global Processes: Search for Perspective]. M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova, S. V. Gorjunova [et al.]; Ed. M. K. Gorshkov. M.: Institut sociologii RAN. P. 26–51. (In Russ.).
5. Gorshkov M. K. (2014). Obshhestvenny'e neravenstva kak ob`ekt sociologicheskogo analiza. [Social inequalities as an object of sociological analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 7 (363). P. 20–31. (In Russ.).
6. Gutseriev M. S. (1996). *Federal'nyj centr i sub`ekty rossijskoj federacii: finansovy'e vzaimootnosheniya i mexanizmy social'noj podderzhki naseleniya. Materialy nauchnoj sessii Akademii social'nyx nauk RF 5 dekabry: Federal'nyj centr i sub`ekty Rossijskoj Federacii: finansovy'e vzaimootnosheniya i mexanizmy social'noj podderzhki naseleniya*. [Federal Center and Subjects of the Russian Federation: Financial Relations and Mechanisms of Social Support of the Population. Materials of the Scientific Session of the Academy of Social Sciences of the Russian Federation: Federal Center and Subjects of the Russian Federation: Financial Relations and Mechanisms of Social Support of the Population]. M. : RICz ISPI RAN. P. 7–32. (In Russ.).
7. Davydov A. P. (2022). Obshhestvo kak mediacionnyj sub`ekt social'nogo razvitiya (k metodologii mezhsob`ektnogo dialoga). [Society as a mediational subject of social development (to the methodology of inter-subject dialogue)]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 9. P. 3–13. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250022302-5.
8. Dridze T. M., Orlova E. A. (1994) *Situacionnyj analiz social'no-vosproizvodstvennogo processa v prognoznom social'nom proektirovanii. Prognoznoe social'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy*. [Situational analysis of the socio-reproducible process in predictive social design. Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems]. M. : Nauka. P. 52–62. (In Russ.).

9. Krasin Yu. A. (2007). Social'noe neravenstvo kak politicheskaya problema. [Social inequality as a political problem]. *Politiya*. № 2. P. 83–91. (In Russ.).
10. Lokk D. (2014). *Dva traktata o pravlenii*. [Two treatises on rule]. M. 494 p.
11. Makiavelli N. *Gosudar'*. [Sovereign]. M. : Planeta. 80 p. (In Russ.).
12. Markin V. V. (2017). *Social'noe prostranstvo Rossii v regional'nom izmerenii: sociologicheskij analiz, modelirovanie, monitoring. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: Rossiya i mir: global'ny'e vyzovy i strategii sociokul'turnoj modernizacii*. [Social space of Russia in the regional dimension: sociological analysis, modeling, monitoring. Materials of the international scientific and practical conference: Russia and the world: global challenges and strategies of sociocultural modernization]. (In Russ.). Ed. A. V. Tikhonov. M. : FNISCz RAN, 2017. P. 82–87. (In Russ.).
13. *Osobennosti modernizacii social'noj struktury' rossijskogo obshhestva*. (2018). [Peculiarities of modernization of the social structure of Russian society]. M.: FNISCz RAN. 200 p. (In Russ.).
14. Petukhov V. V. (2020). Idejno-politicheskie predpochteniya rossiyan: smena diskursa. [Ideological and political preferences of Russians: change of discourse]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. Vol. 8. № 4. P. 25–43. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2020.8.4.7654.
15. Platon. (1971). *Sochineniya v tryox tomax*. [Writings in three volumes]. Vol. 3. Ch. 1. Gosudarstvo. M.: Mysl'. T. 3. Ch. 1. P. 89–45. (In Russ.).
16. *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v usloviyax realizacii nacional'ny'x projektov i aktivizacii processov spontannogo gruppoobrazovaniya* (2021). [Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes]. A. V. Tihonov, V. S. Bogdanov, A. A. Grechanaja [et all.] ; Ed. A. V. Tikhonov; A. A. Merzlyakov. M. : FNISCz RAN. 455 p. (In Russ.).
17. Russo Zh. Zh. (1998). *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty*. [On the social contract. Treatises]. M. : Kanon-press-C ; Kuchkovo pole. 416 p. (In Russ.).
18. *Sociologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie* (2014). [Sociology of governance: fundamental and applied knowledge]. Ed. A. V. Tikhonov. M.: Kanon+ ROOI Reabilitaciya. 560 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: valarf@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0176-1007

The article was submitted on August 09, 2022. Accepted on October 30, 2022.